Рассказ был опубликован в газете ‘Заря Севера’ 19 марта 2010 года. Я ему дал название ‘Предтеча”? что мне не очень нравилось и вот главный редактор газеты – Павел Засухин – опубликовал его под великолепным названием ‘Колыма во спасение’.

КОЛЫМА ВО СПАСЕНИЕ.

1937 год… По Транссибу на Владивосток регулярно, по расписанию, идут составы скорых поездов, в каждом из них которых несколько вагонов с надписью на боку ‘Дальстрой’. В них, в основном, молодые люди с горячими сердцами и светлыми помыслами.

В товарных составах, в том же направлен – ‘столыпинские’ вагоны – с уголовниками.

И очень часто в те дни на этой магистрали можно видеть целые составы с надписью на вагонах – ‘СПЕЦОБОРУДОВАНИЕ’. Они под завязку набиты политзаключенными, ‘врагами народа’.

Вагоны и составы… Путь на Колыму.

Вспышка короткого замыкания была ослепительно яркой. Ее горячая волна ударила по голове, лицу, рукам дежурной. Она выпустила разъединяющую штангу и потеряла сознание. Когда сознание вернулось, она, все еще с закрытыми глазами, старалась воскресить в памяти все события и страшилась взглянуть на свои руки, которые приподнятыми лежали на мягких подставках и, как ей казалось, смазаны мазью, чей неприятный, острый запах распространялся вокруг.

Мучительные усилия по воскрешению событий вновь отбросили ее в небытие, и уже следующие возвращение к действительности было вызвано легкими прикосновениями к плечу и ласковым голосом: ’Открывай глаза голубушка!’.

Она разомкнула веки и увидела двух человек в белых халатах. Первый, постарше, с бородкой, держал руку на ее плече и внимательно смотрел ей в глаза.

“Ты меня видишь?’ – спросил он тихим голосом и, сняв руку с ее плеча, провел ею вправо- влево перед глазами. Она проследила за движениями его руки. ‘Ну вот и отлично!’ – подытожил он и довольно потер руки.

‘С тобой хочет побеседовать товарищ из метрополитена’ – и показал на второго мужчину, стоявшего рядом.

‘Но только не больше десяти минут»’ – послышался его строгий, нетерпящий возражений голос, уже от порога палаты.

И сразу все события того страшного дня обрели в ее сознании реальные очертания в строгой последовательности.

Она, Пруниченкова Елена, выпускница спецгруппы Московского электромеханического техникума им. Красина, комсомолка, активистка, уже три месяца работала дежурной на силовой подстанции первой линии Московского метрополитена на станции ‘Кировская’.

Весна 1936 года в Москве – уже в начале мая деревья на бульварах зазеленели. Лопнувшие почки на тополях наполняли воздух душистым смоляным запахом. Весь путь от дома на Рождественском бульваре до работы в конце Сретенского занимал минут двадцать неспешной ходьбы, но был по- своему ритуален. На углу Сретенки, в табачном киоске у знакомого еврея Евсея, покупалась пачка ‘Беломорканала’, в киоске рядом выпивался стакан газировки с двойным сиропом. Десять штук конфет «Стратосфера» она получала на сдачу. Газета «Известия» приобреталась рядом в киоске «Союзпечати». Последняя лавочка Сретенского бульвара, напротив дома страхового общества «Россия» была местом, где выкуривалась «беломорина», съедались две конфеты и мельком просматривалась газета.
В тот день все пошло не так. Табачный киоск был закрыт, газировка теплой, а ее любимую лавочку занимала группа молодых художников с мольбертами из художественного училища, что на углу Мясницкой. Утренний распорядок был нарушен. Она была взвинчена, рассеяна.
Такой технологически простой и ежедневно ею выполнявшийся - дневной перевод электропитания на резервную линию – обернулся для нее трагедией. Была какая-то дьявольская, неправдоподобная связь мелких повседневных привычек, ставших обыденными, со строго регламентированном выполнением производственных обязанностей. Все это промелькнуло в сознании Лены, пока «товарищ из метрополитена» усаживался на стул, доставал блокнот и карандаш.

За десять отведенных доктором минут Лена узнала, что второго товарища в белом халате зовут Николай, он из службы по технике безопасности метрополитена. Ответила на его вопросы. Она осмелела, пыталась улыбаться и даже спросила, нет ли у того маленького зеркальца. Зеркальца не оказалось, но Николай ее заверил, что выглядит она достаточно хорошо, глаза, руки целы и скоро она поправится. Но самое главное - сбоя движения на линии из-за ее ошибки не произошло.

Время и молодой организм - лучшие врачеватели. Уже в начале лета Лена приступила к работе на подстанции помощником дежурного. Приказом она была на полгода отстранена от обслуживания высоковольтного оборудования.
Перемены произошли и в ее облике. Модная стрижка со спускающейся на лоб челкой закрывала коричневые пятна, оставшиеся после ожогов. Удлиненные белые перчатки на руках выполняли ту же роль.
Только утренний распорядок дня не претерпел изменений - пачка "Беломорканала", стакан газировки с двойным сиропом, газета и любимая лавочка в конце Сретенского бульвара.
В середине лета она узнала, что ей выделена путевка к морю, на Черноморское побережье Кавказа, в санаторий. Поездка предстояла в сентябре, но уже сейчас она пребывала в состоянии легкого "летнего помешательства", связанного с подготовкой к ней. В этот процесс ей удалось втянуть сестер, братьев, друзей.
Пропуск на игры весеннего розыгрыша страны по футболу на стадион "Динамо" в Петровском парке, который ей вручил Витя Дубинин, один из руководителей тренерского штаба команды, друг семьи и ее "вечный" жених- пропадал.
С Женькой Долматовским из литобъединения при ДК Метростроя общалась в основном по телефону. Все свободное время она посвящала вопросу создания по возможности модного санаторно-пляжного гардероба. Удавалось это ей с большим трудом. Но все решилось неожиданно просто и прекрасно.
Соседка по лестничной клетке из квартиры десять на пятом этаже дома семнадцать по Рождественскому бульвару, Лиза Радек, ее ровесница, немного подруга, отдала ей весь свой пляжный гардероб, приготовленный для отдыха на Лазурном берегу

Франции, в Ницце.
Ее дяде, известному партийному деятелю Карлу Радеку и семье был запрещен выезд за границу. Лиза была в полной прострации и весь ее моднейший пляжный гардероб вместо Ниццы поехал в Пицунду.
Лена была огорошена таким развитием событий и безмерно счастлива.
Отдых, лечение, завистливые взгляды новых подруг, внимание мужской половины отдыхающих стали живительным бальзамом для нее.
Знакомство с высоким статным сибиряком Иваном поставило последнюю точку в этом калейдоскопе событий. Его рассказы о золотых приисках Алдана, зимовке на полярной станции, учебе в Арктическом институте в Ленинграде, впервые услышанные слова - Дальстрой, Колыма, Магадан - окончательно заставили ее на время забыть такие привычные - Москва, Метрополитен, футбол, Витя Дубинин, Женя Долматовский.
Иван уезжал дней на десять раньше ее. Его путь лежал в Москву в центральное управление Дальстроя, которое находилось совсем рядом с ее домом, на Маросейке, затем Транссиб до Владивостока и пароходом в Магадан. По предварительной договоренности предстоящую зиму он должен был провести на зимовке, на полярной метеостанции Пестрая Дресва. Обещал написать по прибытию в Магадан, звал с собой.
В первых числах октября Лена вернулась домой. Москва встретила ее промозглой осенней погодой, мелким дождем. На душе было тоскливо и муторно.
Исчезновение семьи Радеков окончательно убили в ней яркость воспоминаний предыдущего месяца. Только рассказы родных о трехдневном пребывании Ивана в Москве воскрешали в памяти страницы прошедшего отдыха. Целых два вечера в их с сестрами комнате собиралась вся семья. Отец, Иван Иванович и мама Варвара Павловна, старшие сестры Татьяна, Мария, Александра, два брата - Александр и Сергей, кто с большим, кто с меньшим интересом слушали его рассказы о Сибири, Алдане, Северном Ледовитом океане, зимовке. В географической лавке на Кузнецком мосту Иван купил подробную карту страны и, разложив ее на столе, показывал места, где он уже был, и предстоящий путь на неизвестную Колыму.
Реакция слушателей была различной. Варвара Павловна не отнимала платочек от глаз, младший брат Сергей подробно расспрашивал о золотодобыче на Алдане, ведь он заканчивал техникум по тяжелым землеройным машинам. Старшая сестра Мария заметила, что в тех местах уже побывали ее друзья - первопроходцы - геодезисты. И только сестра Александра смотрела и слушала все это с легкой усмешкой, подчеркивая всем своим видом, что дальше Садового кольца, она жизни не представляет, совсем не догадываясь, что уже скоро, через полгода, она сама окажется на границе Азии и Европы - в Магнитогорске.
Резюме главы семейства - Иван Ивановича - было кратким - "Иван-сибиряк, он делает жизнь, Ленки от него не отвертеться! Это не Витька- футболист, и не Женька- стихоплет".
Упаковали Ивана в дорогу по полной программе. Вязаные носки и варежки, свитера, теплое белье, чемодан лука и чеснока - все это было любовно собрано Варварой Павловной.
Иван уехал, писем пока не было, хандра и тоска стали повседневными спутниками Лены в эти хмурые дни осени 1936 года.
Но это были только цветочки... Наступил 1937 год...
Начало года выдалось радостным. Лена получила письмо от Ивана, отправленное еще в сентябре месяце из Магадана. Он уезжал на зимовку и весной звал к себе. Она была в больших раздумьях и нерешительности, но последовавшие события разрешили эту неопределенность.

В начале марта ее вызвали в спецотдел метрополитена и выдали предписание на "собеседование" на Лубянку.
Предчувствие беды, ее неотвратимости, гораздо сильнее, чем сама беда. Лена потеряла покой, похудела, стала еще больше курить.
Утренний распорядок дня претерпел существенные изменения. На работу она теперь выходила за полтора часа. В киоске у Евсея покупала две пачки "Беломорканала", газировка и конфеты были забыты. Кроме газеты "Известия" она покупала еще ряд периодических изданий. На последней лавочке Сретенского бульвара она раскладывала периодику и начинала внимательно читать.
"Известия" были заполнены разоблачительными материалами о процессах над "врагами народа" - "троцкистской группой Пятакова-Радека", "заговорщиках Каменеве и Зиновьеве".
Там же на последних страницах сообщалось о "бдительности советских людей" и разоблачении "вредителей" на заводах, транспорте, в воинских частях, колхозах.
Разбитая и подавленная она приходила на дежурство.
Надо было принимать какое-то решение, искать выход. На семейном совете, где собрались все братья и сестры, отец как всегда был краток - РАЗЪЕЗЖАЙТЕСЬ! РАЗЪЕЗЖАЙТЕСЬ, чтобы УЦЕЛЕТЬ! И благословил всех.
Не бегите, а именно - разъезжайтесь - пока была еще возможность, как это подсказывал здравый смысл и реалии обстановки.
Первой, как ни странно, уехала сестра Шура - в Магнитогорск, на строительство.
Сергей внял советам Ивана и завербовался в золотодобывающую артель на Алдан.
Проще всех было Марии. Она геодезист, с отличием закончившая Межевой институт и работающая в закрытом подразделении Управления Государственной съемки и картографии НКВД СССР, легко согласилась возглавить геодезическую экспедицию в Северном Казахстане.
Старший брат Александр готовился по своему ведомству к поездке на Сахалин с ревизией. И только Лена находилась на распутье. Она уже несколько раз проходила по Маросейке, мимо управления Дальстроя . На стенде, рядом с массивными дубовыми дверьми большой плакат призывал ехать осваивать далекую Колыму.
Посещение следователя на Лубянке положило конец этим колебаниям.
Следователь - это не "товарищ из метрополитена", милый Николай в белом халате с ручкой и блокнотом.
Продолговатый кабинет с плотно задернутыми шторами, большой стол, настольная лампа, полумрак. В углу непонятная фигура за пишущей машинкой. За столом сухощавый мужчина в строгом кителе, глаза прикрыты тяжелыми веками, голос сухой с хрипинкой. Вопросы отрывисты, как команды.
"Как произошло замыкание?" "Кто был при этом и руководил?" "Кто дал приказ?"
Она старалась отвечать кратко, по существу вопроса, тихим голосом, пока не прозвучала команда - громче. И, наконец, - можете быть свободны.
Выйдя на Лубянку, она интуитивно свернуло налево, закурила, и ноги сами вывели ее к управлению Дальстроя. Всю дорогу в ушах стоял хриповатый голос следователя, и ей казалось, что он пропустил в своей последней фразе одно слово - "пока" - пока можете быть свободны.
Трест Дальстрой был мощнейшей организацией. На основании постановления ЦИК СССР от 27 апреля 1932 года тресту было предоставлено право беспрепятственного найма всех желающих работать на Дальнем Севере. Он мог затребовать любого служащего, минуя так называемые "трудовые списки", которыми регулировалось в то время передвижение рабочей силы.
Договор с Дальстроем был заключен на три года. Жилплощадь забронирована, билеты в дальстроевский вагон на Владивосток в двадцатых числа июня получены.
И для Лены наступили самые страшные дни, дни ожидания и страха. Да, да, не

предчувствия беды и ее ожидания, а самого настоящего животного страха быть арестованной и оказаться опять на Лубянке.
Слухами о ночных арестах "вредителей" и "врагов народа" был заполнен быт. Реальность собраний трудовых коллективов с осуждением последних подтверждала газетная периодика.
То, на что раньше Лена не обращала внимания, теперь приобрело первостепенное значение. Прежде всего, это предутренняя тишина и звук остановившейся машины. Май был жарким и окна комнаты были распахнуты настежь. Засыпая, она уже четко знала, что проснется около трех часов ночи в начале четвертого и будет неподвижно лежать, прислушиваясь к биению сердца и звукам за окнами. Светло-голубые закрытые фургоны по народной молве были не что иное, как автозеки - "черные воронки". Ими была заполнена площадка автобазы НКВД в Варсонофьевском переулке, хорошо просматриваемая из ее окон пятого этажа. Теперь, ложась спать, она невольно бросала взгляд на площадку автобазы - машины отдыхали. Ранним утром площадка была пуста и только к часам шести утра первые "черные пернатые" возвращались на место.
Утренний распорядок был в корне изменен. Она теперь выходила на работу с первыми дворниками. Три пачки "Беломорканала" она покупала еще вечером. Одна пачка выкуривалась за вечер и ночь. Газеты не покупались. Она сразу шла к своей лавочке, усаживалась, курила и просто отрешенно сидела. Минут за десять до начала дежурства она появлялась на рабочем месте. Итак изо дня в день. Истязаясь и существуя.
И только когда поезд покинул пределы Ярославского вокзала, она разобрала постель, отвернулась к стенке и заснула спокойным сном уставшего человека.
Проснулась глубокой ночью. Сколько проспала не знала, но по привычке продолжала лежать и прислушиваться, но не к звукам за окном, а к перестуку колес на стыках. Успела, успела, успела...
Утром она перезнакомилась с попутчиками, и началась оттяжка по полной программе. Ведь у всех были немалые подъемные и для чего их беречь - непонятно.
Уже где-то далеко от Москвы, на одном из таежных полустанков, к ней, наверно на сутки, вернулось чувство большой беды, которой удалось избежать.
Высыпав из кулечка кедровые орешки, купленные на станции, в стакан, она смяла листок бумаги в клеточку, машинально сунула его в карман сарафана и хотела пойти выбросить, как вдруг ее что-то тревожное остановило ее. Она не могла понять - что? Присела, огляделась. Попутчики еще не вернулись. Полезла в карман за папиросой и наткнулась на скомканную бумажку. Закурила, машинально развернула ее и ...все забытое вернулось!
Печатными буквами, вкривь и вкось, было написано: "Люди, сообщите, я жива. Адрес: Москва, Большой Головин пер. дом 24, кв. 17. Фая Анбиндер".
Большой Головин - это совсем рядом, и дом, как ей казалось, она помнила, с лепными украшениями в стиле модерн. Даже была, кажется, там в гостях.
Все это пронеслось в голове Лены. Она оглянулась, была одна. Быстро достала конверт, написала адрес и бросилась из вагона. Пассажиры уже занимали места. Но все же она успела опустить письмо и обессиленная вернулась в купе. На вопросы новых друзей из купе не отвечала, а примерно через час повела всех в ресторан и молча, без тостов, отметила свой второй день рождения.

...К Магадану подходили рано утром. Плотный туман окутал бухту. Втягиваясь в ее узкую горловину, пароход гудками обозначал свое местоположение. Пока причаливали, первые лучи солнца пробили его пелену. Все были на верхней палубе

- и команда и пассажиры.
Безрадостная картина открылась перед глазами. Серые сопки с белыми шапками, как головки одуванчиков на весеннем лугу. Одноэтажные, приземистые деревянные постройки и дорога, серой извилистой лентой уходящая куда-то вдаль. Подали сходни. Лена оглянулась вокруг, по старой московской привычке ища купол или крест церкви. Их не было. Она еще не знала, что за восемнадцать лет колымской жизни она увидит не одну сотню крестов. Только не церковных, а могильных, что в январе 1954 года она поставит крест здесь, в Магадане, на могиле ее Ивана, отца троих ее детей.
А пока она повернула лицо к лучам солнца, перекрестилась, взяла тяжелую поклажу в руки и смело шагнула на сходни.